

А. А. Шипицына

Вестничество в русской постсимволистской культуре

В статье рассматривается мотив вестничества в литературе и жизни двух русских писателей: обэриута-чинара Д. Хармса и последнего символиста в литературе Д. Андреева. В исследовательском фокусе находятся различные аспекты семантики вестничества: вестник как художественный образ, посланник трансцендентного мира; вестник как пророк и провидец. Автор пытается выявить причины актуализации образа вестника в русской культуре первой половины XX в., указывая на влияние эстетики символизма и формирование новой мифологии.

Ключевые слова: Д. Хармс; Д. Андреев; вестник; символ; мифология; религия

Шипицына Анна Александровна

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

Старший преподаватель кафедры гуманитарных и философских наук.

Кандидат философских наук.

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 17.

E-mail: nufatum@gmail.com. ORCID: 0009-0009-0017-6341

Anna Shipitsyna

Vestnichestvo (Prophet Messengership) in Russian Post-symbolist Culture

The article examines the motif of prophet messengership in literature and the lives of two Russian writers: Daniil Kharms, the member of the literary community, which is called OBERIU and the last symbolist in literature Daniil Andreev. The research focus is on various aspects of the semantics of the prophet messenger: the messenger as an artistic image, the metaphor of the transcendental world; the messenger as a prophet and seer. The author reflects on the reasons for the actualization of the image of the prophet messenger in Russian culture of the first half of the 20th century, pointing out the influence of symbolist aesthetics and the need to form a new mythology.

Keywords: D. Kharms; D. Andreev; messenger; symbol; mythology; religion

Shipitsyna Anna

St Petersburg Repin Academy of Fine Arts.

Senior lecturer of the Department of Humanities and Philosophy.

PhD in Philosophy.

Russia, 199034, St Petersburg, Universitetskaya nab., 17.

E-mail: nufatum@gmail.com. ORCID: 0009-0009-0017-6341

Русскую культуру рубежа XIX–XX вв. отличает активный духовно-религиозный поиск высших начал бытия, ощущение божественного

присутствия, понимание необходимости творческого переустройства мира. Эти ценностные ориентиры и стремления выражаются не только в философской литературе, но отчетливо представлены в творчестве писателей и поэтов, художников-символистов, в некоторых авангардистских течениях литературы и живописи. Поиск Бога сопровождался созданием уникальных художественных знаков, заключавших в себе тайный духовный смысл; построением оригинальных символических и мифологических систем, которые способны взволновать ум и сердце ценителей искусства. Особый интерес в научном поиске представляет изучение сходных мотивов творчества, сюжетных и образных подобий в произведениях, не обнаруживающих между собой преемственную или диалогическую связь. К таким неожиданным и ничем не мотивированным общим местам в истории литературы можно отнести образы «вестника» и «соседнего мира» в произведениях Я. Друскина, Л. Липавского, Д. Хармса и Д. Андреева.

Д. Хармс – участник двух известных объединений: авангардистского ОБЭРИУ (А. И. Введенский, Н. М. Заболоцкий, К. К. Вагинов, Дойвбер Левин, Ю. Д. Владимиров и др.) и литературно-философского под названием «Чинари» (А. И. Введенский, Н. М. Олейников, Я. С. Друскин, Л. С. Липавский и др.). В рамках второго объединения зрела собственно философская эстетика бессмыслицы обэриутов, основанная на противопоставлении мира «этого», подчиненного человеческой логике, и божественного «того». Вестник у чинарей – житель божественного мира. По воспоминаниям Я. Друскина, понятие «вестник» ввел в кружковский обиход Л. Липавский. В 1933 г. на свет появился трактат Я. Друскина «Вестники и их разговоры», после чтения которого в дружеском кругу Д. Хармс провозгласил: «Вестник – это я». А уже в 1937 г. в письме к Хармсу Друскин с горечью отмечает, что «вестники его покинули»: «Иногда я чувствую приближение вестников, но что-то мешает мне увидеть их, а может быть, они боятся меня. Мне кажется, надо сделать усилие, может быть небольшое, но при этом солгать, и вестники снова будут со мной. Но это отвратительно: лгать перед собой и перед вестниками» [цит. по: 8, с. 59]. Друскин

пережил участников чинарского объединения почти на 40 лет, но после 1942 г. писать о вестниках было уже некому¹.

В основном «вестническом» трактате философа Л. Липавского «Исследование ужаса» соседний мир вестников осмысливается как разлитая безындивидуальная жизнь. Философ размышляет об абсолютном, субстанциональном начале сквозь призму человеческого опыта и чувственности, открывая своего рода неподобные подобия соседнего мира (вода, камень, растительный мир, кровь, слизь и т. д.). Знание о трансцендентном мире не может быть выведено мышлением логически, а потому Липавский создает целую галерею образов, которые позволяют почувствовать близость первичного бытия, пусть даже в модусе страха: «Да, вы попали в стоячую воду. Это сплошная вода, которая смыкается над головой, как камень. Это случается там, где нет разделения, нет изменения, нет ряда» [7, с. 22].

В общении с философами-чинарями Друскиным и Липавским Хармс получил своеобразное метафизическое образование. По замечанию Ж.-Ф. Жаккара, Хармс «охотнее читал трактаты по оккультизму доктора Папюса, нежели книги Канта» [6, с. 10]. Тем не менее в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Хармс пишет серию полушутиловых трактатов, в которых можно найти аллюзии на философию Парменида, Платона и Аристотеля, Николая Кузанского, Дж. Беркли, И. Канта: «Предметы и фигуры, открытые Даниилом Ивановичем Хармсом» (1927), «Измерение вещей» (1929), «Ноль и нуль» (1931), «О круге» (1931), «О явлениях и существований № 1», «О явлениях и существований № 2» (1934). Однако наиболее активно он разрабатывает чинарскую тему вестничества и, что примечательно, именно в своих комических «случаях»: «Ровно-весиес» (так у Хармса) (1934), «Басня» (1935), «Пассакалия № 1» (1937), где читатель вместе с героями эстетически осмысливает соседний мир через его «неподобные подобия» (черно-юмористические случаи Хармса), осуществляя переход в мир вестников («Смерть старишка», «Макаров и Петерсен № 3»). В ответ на упомянутое выше письмо Друскина Хармс напишет шутливое письмо-рассказ «о том, как он встретил вестника» и чуть было его не «выпил»:

«В часах что то стукнуло и ко мне пришли вестники. Я не сразу понял, что ко мне пришли вестники. Сначала я подумал, что испортились часы. <...> Сердце мое стучало и я боялся потерять сознание.

„Надо выпить воды“ – сказал я. Рядом со мной, на столике стоял кувшин с водой. Я протянул руку и взял этот кувшин.

„Вода может помочь“ – сказал я и стал смотреть на воду.

Тут я понял, что ко мне пришли вестники. Но я не могу отличить их от воды. Я боялся пить эту воду, потому что по ошибке, мог бы выпить вестника. Что это значит? Это ничего не значит. Выпить можно только жидкость? А вестники разве жидкость? Значит, я могу выпить воду, тут нечего бояться. Но я не мог найти воды. <...> Я ходил по комнате и искал ее. Я попробывал сунуть в рот ремешок, но это была не вода. Я сунул в рот календарь – это тоже не вода. Я плонул на воду и стал искать вестников <...>» [цит. по: 8, с. 20]².

Художественный образ вестника и соседних миров раскрывает представление чинарей-обэриутов об области трансцендентного. Если человеческое существование протекает во времени, но не в настоящем мгновении, то вестник, принадлежащий «противомиру», живет в мгновении, однако это мгновение длится вечно. Отсутствие деления относится не только к временному состоянию вестников, но и к пространству, в котором они обитают. Поэтому соседний мир представляется как разлитая или аморфная субстанция: вода, кровь, желе, слизь – это метафоры. В соответствии с цисфинитной логикой Хармса, ноль содержит в себе мир противозначений, зеркальный мир простых чисел, но со знаком минус. Отсюда берет начало сюжетная генеалогия хармсовских смертей как рассыпания и превращения в шар. Следует сказать, что все творчество обэриутов при таком ракурсе предстает как масштабное исследование соседнего мира и существования, лежащего за пределами человеческого.

Несмотря на то, что «Липавский, Друскин, Хармс – каждый по-своему интерпретировал понятие „вестник“» [8, с. 60], можно выделить общее атрибутивное значение вестника как ангела, посланника соседних миров. У Друскина и Хармса это существо, меняющее

реальность до неузнаваемости: чудо остановки времени, левитации, распадения на молекулы, метаморфозы воды, камня, иные «чудесные» явления возможны только в присутствии вестников – он привносит в наш физический мир иную реальность, разрушающую структуру человеческого бытия. Образ вестников и соседнего мира вызывают экзистенциальный страх у Липавского, преодоление которого происходит в комических случаях Хармса.

Если Хармса вдохновляли чинарские философские штудии, то Д. Андреев был поражен собственным духовидчеством, открывшимся в нем во время заключения во Владимирской тюрьме и послужившим почвой для написания трилогии: «Роза Мира», «Русские боги», «Железная мистерия». Андреев в своих тюремных дневниках напишет: «Октябрь и особенно ноябрь прошлого года был необычайным, беспрецедентным временем в моей жизни. Но что происходило тогда: откровение? наваждение? безумие? Грандиозность открывшейся мировой панорамы без сравнения превосходила возможности не только моего сознания, но, думаю и подсознания» [цит по: 9, с. 247]. В трилогии Андреев создает собственную духовную мифологию, стоящую за реальными людьми, государствами и их историческими судьбами. Трактат «Роза Мира» один из исследователей назвал «последним великим романом Серебряного века», озаглавив так свою статью [см.: 5]. Но символизм был преодолен автором «духовидчеством», разрыванием дихотомического противостояния материального и духовного. Андреев неоднократно указывает на то, что «стремится изгнать из своего романа игру фантазии и воображения» [9, с. 192], если довериться автору, то «Роза Мира» – роман-свидетельство. Андреев подробно описывает структуру космического пространства, раскрывает смысл общемировой истории, в перипетии которой втянуто и человеческое существование. Это история борьбы добра и зла, которая должна завершиться воцарением мира и метакультурным объединением человечества в духовное единство. Метафорически единство представлено образом Розы Мира, корни которой находятся в небе, а лепестки раскрыты наподобие чаши на земле. Некоторые исследователи усматривают сходство

Розы с древнеиндийским перевернутым деревом ашваттха, которое встречается, к примеру, у Е. Блаватской. Сама структура мира Андреева сложна и самобытна и нуждается в отдельном описании, составлении подробной карты ономастического пространства Розы, этимологическом анализе имен собственных и т. д. Вестник в этой структуре играет роль провидца и мистического визионера и, в отличие от чинарского представления, является жителем «этого» мира. Вестник – гений, открытое сердце и ум которого позволяют прозревать тайны миров, это земной Гермес, окрыленный божественным знанием. «Вестник – это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из миров иных» [1, с. 481]. Вестника отличает действительная связь с трансфизической реальностью, которая обращается к нему и раскрывается перед ним в моменты вдохновений. К вестнику послан даймон, призванный разбудить его чувственность до сверхличностного переживания. Кроме того, вестник и по происхождению своему имеет нечто потустороннее: над усовершенствованием его органов чувств трудятся посланники иных миров, создавая покровы его монады. Одним из тонкоматериальных облачений монады является астрал, который позволяет проникать духовным зрением и слухом весь Шаданакар, все пространственные и временные пласти (брамфатуры) нашей Галактики.

К вестникам в области словесного творчества Андреев относил А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, А. А. Блока – они обладали мистической связью со второй реальностью, в которой обитали их демоны, бесы, Софии и прекрасные дамы... По мнению Андреева, образы эти не были воображаемыми, в периоды вдохновения писатели мистически переживали видения иной реальности, встречались с потусторонними существами, а также обладали памятью о таких встречах, произошедших задолго до их воплощения в физическом мире (Энрофе): «...лермонтовский Демон – не литературный прием... а попытка художественно выразить некий глубочайший, с незапамятного времени несомый опыт души, приобретенный ею

в предсуществовании от встреч со столы грозной и могущественной иерархией» [1, с. 508]; «в психике Мышкина, Алеши Карамазова, особенно старца Зосимы чувствуются следы полу забытых странствий по очень высоким слоям» [1, с. 512]; «лицезрение Звенты-Свентаны в этом облике сверхчеловеческой и сверхмирской женственной красоты – был для Соловьева настолько потрясающим»; «зов Вечно Женственного» [1, с. 541] был обращен и к А. Блоку, принимавшему за нее подчас и Великую блудницу, и разбойницу Русь. Вестником был и сам Андреев. В трансфизических странствиях, по свидетельству супруги Аллы Андреевны, его сопровождали Лермонтов, Достоевский и Блок. Об одном из таких путешествий Андреев вспоминает в «Розе Мира»: «Он (Блок) мне показал Агр. Ни солнца, ни звезд там нет, небо черно, как плотный свод, но некоторые предметы и здания светятся сами собой – всё одним цветом, отдаленно напоминающим наш багровый» [1, с. 562].

Вестничество Андреева противоположно вестничеству чинарей: последние не прозревали соседний мир, но пользовались художественно-эстетической интуицией для его познания. Нам остается ответить на вопрос: почему вестники начинают интересовать русских писателей примерно в одно и то же время – в конце 1920-х гг. Хармса и чинарей, в 1950-х Андреева? Одна из причин проявления такого интереса состоит в длительном влиянии символистской эстетики на литературную жизнь России. Несмотря на упадок собственно символизма в искусстве в 20-х гг. прошлого столетия³, он продолжает оставаться одним из мощных духовных ориентиров времени⁴. Другую же причину можно усмотреть собственно в ослаблении религиозного чувства в культуре. Так, В. Бычков связывает сущностное изменение сознания духовно-интелликтуальных элит, тянувших «повоzку человечества» [2, с. 29], со временем Великой французской революции: уничтожение веры в Великого Другого (Бога, Абсолют, Дух) и укрепление веры в силы собственно человека. Вслед за отечественными мыслителями начала XX в. ученый считает, что усиление личностного начала в сознании приводит к дегуманизации культуры в целом, уничтожение источника высшего смысла приводит к уничтожению человека.

В такой ситуации оказывается необходимой замена традиционных форм религиозного сознания иными формами религиозности. Это могут быть различные духовные практики, мистические учения, а также неомифологические системы.

В. Соловьев и Н. Бердяев, остро почувствовав в русской культуре угрозу истощения религиозного сознания, создали религию Третьего Завета, Завета Святого Духа. Но попытка реанимировать христианство оказалась утопической. И чинари, и Д. Андреев были православными, глубоко верующими людьми, что подтверждается не только творчеством, но и дневниковыми записями, воспоминаниями их близких. Миф о вестниках и соседних мирах создавался не в целях профанации или адаптации христианского учения, но исключительно в целях утверждения в сознании высшего духовного начала, как попытка избежать апокалипсиса культуры. Можно предположить, что неомифологическое мышление продолжит свое развитие и слова Достоевского окажутся пророческими: «Люди остались одни, как и желали: великая прежняя идея оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший их и грешивший их, отходил... И люди вдруг почувствовали, что остались совсем одни, и разом почувствовали великое сиротство... Осиротевшие люди тотчас же стали прижиматься друг к другу теснее и любовнее...<...> Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к тому, который и был бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку» [4, с. 339].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1937 г. был арестован и погиб Н. Олейников, в 1941-м – А. Введенский, на фронте пропал без вести Л. Липавский, в 1942 г. Д. Хармс скончался в тюремной больнице.

² Рассказ цитируется по рукописям Хармса. Орфография и пунктуация автора сохранены.

³ Многие исследователи связывают конец символизма в России со смертью А. Блока, хотя существуют и иные мнения.

⁴ Причину этого «упадка» В. В. Бычков связывает с усилением рационального начала в символизме: символ «онтологичен» (А. Белый) и не может быть чем-то

выдуманным, искусственно изобретенным, он представляет собой интуитивно схватываемый образ сущности. Чрезмерная интеллектуальная «потасинность» только вредит символу, разрушает многомерность его интерпретации, превращая его из образа в интеллектуальный иероглиф, загадку для ума, утратившую способность возвышать душу: «Только там, где символы не конструируются на основе разума, а непроизвольно возникают в процессе творчества художника, может явиться подлинно художественное произведение высокого эстетического качества» [3, с. 8].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андреев Д. Роза Мира*. СПб. : Азбука, 2024.
2. *Бычков В. В. Триалог: Разговор Первый об эстетике, современном искусстве и кризисе культуры*. М. : ИФРАН, 2007.
3. *Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Эстетика символизма*. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2021.
4. *Достоевский Ф. М. Подросток*. М. : Эксмо-Пресс, 2008.
5. *Евлампьев И. И. «Роза Мира» – последний великий роман Серебряного века // Феномен Даниила Андреева : Мат-лы рос. науч. конф., 6 марта 2014 г. М. : Канон+, 2015. С. 44–91.*
6. *Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда*. СПб. : Академический проект, 1995.
7. *Липавский Л. Исследование ужаса*. М. : AdMarginem, 2005.
8. *Сажин В. Неизвестные автографы Даниила Хармса // Случаи и вещи. Даниил Хармс и его окружение. Материалы будущего музея : каталог выставки в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского 8 октября – 5 ноября 2013 г. СПб. : Вита Нова, 2013. С. 17–61.*
9. *Чиндин И. В. Миф и его метаморфозы в русской литературе XX – начала XXI века*. М. : Академический проект, 2024.